

ГЛАВА 8

Пришедше на запад солнца

Близится час всемирного расставания с книгой. Не за горами время, когда художественное слово останется лишь в качестве подписей к журнальным картинкам или титров на кадрах кинолент. К развалам популярных книг верующему человеку неприлично подходить, а журнальные киоски ему нужно обходить за много метров, старясь не смотреть на выставленный в них товар. Классика не читается, письма не пишутся, написанное слово стремительно уходит из нашей жизни, уступая место телефонным разговорам и смс-кам. (*) Но пока не настал тот час, пока ещё можно на простой, а не на глянцевой бумаге, без цветных картинок и фотографий изложить свою мысль, и пока не оставило нас окончательно умение писать и читать, поспешим воспользоваться отпущенными сроками, чтобы порассуждать в письмени о главном в жизни, надеясь быть услышанными посреди стремительно уходящего за последнюю черту времени.

Кстати, о письмах. Какой роман может обойтись без них? Законы жанра требуют переписки. Приводимое ниже письмо, хотя и написано сравнительно давно, но после разговора о тьме кромешной и протестанте Льюисе весьма удачно продолжит тему.

«Здравствуй N! /.../ Прочёл на днях статью Фрейда под названием «Достоевский и отцеубийство». Одна фраза в этой статье поразила меня, но прежде цитирования и пояснения причин моего к ней интереса, скажу тебе, зачем мне было нужно её читать. И вправду, зачем нужно перебирать литературные обноски тому, кто чудом Божией милости облачён в Таинстве Крещения в ризу Христовой правды (***) и просвещён Светом Евангелия? Зачем, обманывавшись нечаянно, т.е. считая эти литературно-художественные обноски за роскошные наряды и украшаясь ими в студенческую пору, обманывать себя сознательно уже теперь, обратившись от света к тьме и зная определённо, что ничего кроме душевного вреда или, в лучшем случае, проведённого впустую времени это чтение верующему человеку не принесёт?

Беда в том, что у меня есть небольшой досуг, и я живу в городе. Живи я в сельской местности, я бы всем литературным произведениям, всей кинодраматургии, да и всей вообще культуре, предпочёл бы живые картины неповторяющейся ни в одном своём жесте природы. После необходимых дневных трудов я бы непременно уходил на закат.

«Пришедши на запад солнца, видевшие свет вечерний...» Это христианская песня, собственно первое неиудейское богослужбное песнопение так легко и естественно всё в себе соединяет: и вечерний закат, и закат языческого мира, и близость конца земной истории, и над всем этим стоящего Сына Божьего. Как она проста и возвышенна. И как достойно и праведно после лицезрения заката созданного Богом солнца обратиться к Солнцу Правды с молитвой. Повторяю, что едва ли я когда предпочёл бы живому закату и трепещущему звездному небу сочинения Достоевского даже с их «косыми лучами заходящего солнца», не говорю уже о сочинениях сумасшедшего Фрейда, живи я в сельской местности. Но у меня нет природы, и нет ощущения единения с ней. Конечно, я вижу деревья, траву и солнце, но всё это вперемишку с многоэтажками в небе и асфальтом (***) на земле. Меня справедливо можно назвать жертвой городской цивилизации, обрубившей корни естественной сельской жизни и строящей свою, неестественную жизнь. И воспитан я

не на закатах и восходах, но на этой самоубийственной культуре, пожирающей самое себя. О, жалкая и ничтожная культура, породившая это бляение и возвеличившая этот бред.

(*) Однострочный анекдот о современной жизни. «Читал перед сном пейджер и долго думал». Т.е., если в прежние времена классику, то в нынешние времена смс-ки читает отходящий ко сну человек.

(**) Облачая новокрещённого, священник глаголет: «Облачается раб Божий (имярек) в ризу правды, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь».

(***) В Лопухинских комментариях на Иез.47:8 приводятся слова блаженного Иеронима о Мёртвом море: «В нём не может жить ничто живое, это самое горькое море, по-гречески называемое «лимни асфальту», т.е. озером смолы». У В.И.Даля в статье «асфальт» читаем: «(греч.) ископаемое горючее вещество; иудейская, жидовская, каменная горная смола, в отверделом или густом виде; черная нефть, горное, каменное масло. Иудейским зовут его потому, что его много около Мертвого моря». Этой иудейской смолой залиты улицы городов.

«Отцеубийство, как известно, основное и изначальное преступление человечества и отдельного человека. Во всяком случае, оно – главный источник чувства вины, неизвестно, единственный ли; исследованиям не удалось еще установить душевное происхождение вины и потребности искупления. Но отнюдь не существенно — единственный ли это источник. Психологическое положение сложно и нуждается в объяснениях. Отношение мальчика к отцу, как мы говорим, амбивалентно. Помимо ненависти, из-за которой хотелось бы отца, как соперника, устранить, существует обычно некоторая доля нежности к нему. Оба отношения сливаются в идентификацию с отцом, хотелось бы занять место отца, потому что он вызывает восхищение, хотелось бы быть, как он, и потому, что хочется его устранить. Все это наталкивается на крупное препятствие. В определенный момент ребенок начинает понимать, что попытка устранить отца, как соперника, встретила бы со стороны отца наказание через кастрацию. Из страха кастрации, то есть в интересах сохранения своей мужественности, ребенок отказывается от желания обладать матерью и от устранения отца. Поскольку это желание остается в области бессознательного, оно является основой для образования чувства вины. Нам кажется, что мы описали нормальные процессы, обычную судьбу так называемого Эдипова комплекса».

Но как могли страницы моего письма вынести эту мерзость? Как я сам смог всю эту дрянь печатая, не подавиться? Говорят, бумага всё стерпит. А душа?

В этом абзаце выложено всё нечестие доктора Фрейда и его так называемого психоаналитического метода. Вдумаемся, что он пишет. «Отцеубийство, как известно, основное и изначальное преступление человечества и отдельного человека», - говорит Фрейд и тем самым замахивается на самое святое, что есть у человека и человечества, на его отношения к Богу как своему Отцу. И как коварно, как иудообразно он это делает. Он пишет об отцеубийстве как о совершившемся факте. План Богоубийства ещё только вынашивается в тёмных снах человечества, а Фрейд его уже провозгласил и применил для своих психоаналитических построений. Главную молитву, первые и основные её слова *Отче наш*, которым научил человечество воплотившийся Бог, Фрейд одним психоаналитическим ударом выбивает из доверившихся ему голов. Это очевидная хула на Бога, а дальнейшие слова Фрейда это уже хула на человека. «Из страха кастрации, то есть в интересах сохранения своей мужественности, ребенок отказывается от желания обладать матерью и от устранения отца. Поскольку это желание остается в области бессознательного, оно является основой для образования чувства вины».

Эти слова хула на человека, потому что они грубо унижают человеческое достоинство. Ибо, что значит указать на «бессознательную» причину чувства вины? Это значит сделать

её сознательной. Но что же в качестве такой «бессознательной», т.е. прежде «скрытой», а теперь «открытой» именно ему, Фрейду, вины преподносится, а лучше сказать, навязывается им? Страшно выговорить. Желание убийства отца и обладания своей матерью. И это называется психоанализ? Эти слова называются психологией? Эти слова на самом деле – грязная нецензурная брань.

Но дело даже не в этом. Какая мне разница, что написал богохульник, который почему-то зовётся «отцом психоанализа» и не зовётся тем, кем он на самом деле является: «отцом научной матерщины»; и где он свою хулу оставил: на заборе или миллионными тиражами на бумаге? Дело в том, как его хулу приняли. А приняли её с распостёртыми объятиями, как новое откровение, как речи пророка и духовного вождя, и пропитали ядом фрейдизма всю западную культуру. Этот яд проник во все её поры и составы, и Фрейдом, как новым Дарвином, наполнилась она вся. Но что будет, если на век Дарвина наложить ещё век Фрейда? Останется ли что-либо человеческое в человеке за два века обитания в такой культурной среде? Или это будет только похотливая кровожадная обезьяна с «бессознательными» желаниями, которые стыдно произнести? Что будет, если к Дарвину прибавить Фрейда? Это и будет современная западная цивилизация.

Нет, уж лучше Маркс, чем Фрейд. Уж лучше посох и сума, тюрьма и Колыма, социализм и коммунизм, чем сойти с ума в психушке психоанализа.

Если к концу человеческой истории никуда нельзя деться от вертлявых «-измов», то из двух зол лучше выбрать меньшее – марксизм, чем фрейдизм.

Если от заходящего солнца тень безбожного государственного пальца становится всё длиннее, то лучше терпеть его ковыряние в общественной жизни, чем сносить такое его ковыряние в собственной душе.

Если заразная болезнь безбожия неизбежно должна прийти на народное тело, то лучше для организма будет, если она проявится снаружи, чем внутри. Так больнее и безобразнее для тела, зато полезнее для души.

Если гроза безбожия неизбежно должна разразиться над этой разуверившейся планетой, то, оказавшись под ней без зонта, лучше назваться коммунистом, чем фрейдистом. Так порядочнее. Потому что честнее отречься от Бога открыто, чем, называясь христианином, быть предателем Христа. Вернее, будучи Иудой, выдавать себя за христианина.

И если марксизм выбил из рук русского человека святую Чашу, то фрейдизм выбивает из души западного человека Богоподобие».

Далее в письме идут прощание и дата. Запад солнца, закат Европы, начало тьмы.

Служу Воплощённому Слову!

Но оставим иностранные фамилии иностранцам и вернёмся к нашей родной словесности. Нам важно знать: исповедует тот или иной русский писатель Христа, пришедшего во плоти, или не исповедует?

Внешнего измерительного прибора или, как говорят учёные люди, объективного критерия для определения веры, конечно, нет, как вообще нет ничего объективного, кроме Бога. Моё мнение, ваше мнение, его мнение это всего лишь мнения, и таких мнений миллионы. Что нравится из классики мне и вызывает катарсическое умиление, то может встать поперёк горла другому читателю. Правда, можно снять показания веры изнутри. Но как залезть внутрь писателя, чтобы его глазами посмотреть на Божий Свет и узнать: режет

он или не режет писательские глаза? И потом, говоря об исповедании Христа Бога как о главном творческом показателе писателя, можно легко ошибиться и принять за ангела коварного беса. (*)

В Евангельском рассказе о бесноватых описано, как они, т.е. овладевшие людьми бесы исповедали Христа Богом, оставаясь при этом врагами Божиими и человеческими. *Что нам и Тебе, Иисусе Сыне Божий? Пришел еси сего прежде времени мучити нас* (Мф.8:29). И этот пример доказывает, что присутствие внешних монограмм ИС ХС или образа Отрока-Христа в писательском зеркале вовсе не говорит о том, что его зеркало отражает Божий Свет. (**) Действительно, как же опасно мы ходим и куда неразумные придём, когда назовём спасительной вестью о Христе Иисусе бесовское Его исповедание? Придём туда, куда бес приведёт, совершенно по-святоотечески уча, что Иисус Христос – Сын Божий, но коварно скрывая свою к Нему ненависть.

(*) «Ошибка будет непростительна», - сказали автору. «Вот именно, - ответил он. - Поэтому, чтобы не ошибиться, нужно на всякого писателя изначально смотреть как на сатану (ср.Мф.16:23), и как святые отцы учат – не доверять никому. Далее мы попытаемся, не доверяя вековым предрассудкам, проверить творческие зеркала Пушкина и Достоевского.

(**) «Столь ответственные рассуждения о главном строятся у вас на сомнительно-образном, путанном фундаменте какого-то «писательского зеркала», - сказали автору читатели. «Согласен с вами, - ответил он. - Хотя и взят образ зеркала иконописцами для выражения мысли о служении, но мы оставим его в 16-ой главе, и принцип служения будет осмыслен нами иначе: не как отражение Божественного света, но как пропускание его сквозь себя».

Господь запрещал бесам исповедовать веру в Него, *да не явлена Его сотворят* (Мк.3:12). *Выходили также и бесы из многих с криком и говорили: Ты Христос, Сын Божий. А Он запрещал им сказывать, что они знают, что Он Христос* (Лк.4:41). И Апостол Павел запретил филиппийской прорицательнице кричать, что он раб Бога Вышняго, возвещающий путь спасения (ср.Деян.16:17-18). Почему он это сделал? Потому что исповедание бесом своего знания о Христе как Сыне Божьем вовсе не передаёт слушающим его людям веры во Христа. Мы об этом подробно говорили в 4-ой главе. Исповедание бесом Христовой веры не только не может быть спасительным исповеданием, которое всевает в сердца слышащих любовь ко Христу, ибо бес не может передать, чего не имеет – любви к Богу; напротив, бесовское исповедание подрывает всякую веру, потому что по сути своей подобно рекламе по телевизору, и ставит в один ряд сообщения о Христе с другими рекламными роликами. А с другой стороны, нельзя также сказать, что отсутствие монограмм ИС ХС и образа Христа-Отрока в писательском зеркале означает неисповедование писателем Христа Бога и говорит об отражении в его произведениях адской темноты.

«Вот именно, - должен согласиться с этой мыслью внимательный читатель. - Неужели из того, что некоторые писатели не цитировали в своих произведениях Библию, как вы, батюшка, её в своём романе к месту и не к месту цитируете, мы заключим, что они не прославляли Господа на страницах своих книг и не исповедовали Христа во плоти

пришедшего? Нет, они славили Его в образах, в рифмах, в словосочетаниях, в красках и т.д. Они хвалили Христа, как хвалят Его *огнь, град, снег, голоть, дух бурен, творящая слово Его, горы и вси холми, древа плодоносна...* (Пс.148:8-9). Они воспевали Христа в скрытых заимствованиях из Евангелия (*). И потом, нельзя судить прежде времени. Т.е. мы можем, конечно, и должны осудить явное богохульство, но о сердечных намерениях людей мы не имеем права что-либо решать прежде суда Божьего (ср.1Кор.4:5). Вы нас, батюшка, этому с церковного амвона учите, а сами что? А сами взяли судить русскую литературу и её писателей. Согласитесь, что это нехорошо и небезопасно. *Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такую и вам будут мерить* (Мф.7:1,2)».

(*) Кстати, о скрытых заимствованиях из Евангелия. Читатель, вы хотите их увидеть в творчестве А.А.Блока? Так вот же они: *возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею, - вот первая заповедь!* (Мк.12:30). «Всем телом, всем сердцем, всем сознанием – слушайте Революцию». А это предсмертная заповедь поэта Блока.

Согласен с вами, дорогой читатель, и потому прекращаю судить. Хотя уже порядочно насудил. Ну, стало быть, буду измерен мерою, какою мерил. Действительно, Блок и Есенин были поэты, что же я к ним со священнической мерой подхожу? Служить Богу – удел церковнослужителей, а поэты служат – слову. Чего же я от поэтов хочу? Но чего хочу, к тому вас и веду, любезный читатель, и теперь спрошу вы и аз слово едино. Помните этот словесный оборот из Евангелия? Что значит служить слову?

«Служить слову? Это значит любить слово, верить слову, знать слово, слушать слово, подчиняться слову, не щадить ради слова своей жизни. Помните, как это у Пушкина?»

Конечно, помню. «Высокой страсти не имея, для звуков жизни не щадить...» Эти слова главного мастера зазорного цеха русских писателей вызывают во мне сейчас улыбку, но в юношеские годы они заучивались мной, как катехизис. Впрочем, мы отвлеклись. Теперь назовите мне, дорогой читатель, то слово, в отношении которого должно все перечисленные вами действия совершать? Определите слово, которому нужно служить?

«Это слово стихотворное, художественное, народное, техническое, поэтическое, впрочем, это слово уже было названо... Это слово философское, магическое, хотя вам, батюшка, служение такому слову не понравится; иностранное, так ведь и это слово вы не приветствуете, но знать-то его надо... Какие ещё могут быть слова? Письменное, песенное, ораторское... Юмористическое, горькое, умное... Яркое, правдивое, льстивое... Их всех не перечислишь, потому что их много».

Вот именно, их много, дорогой читатель, и имя им – легион. Какому угодно слову служат писатели, но редкие из них служат Воплощенному Слову. Что же значит служить Воплощенному Слову? Это значит любить Слово, верить Слову, знать Слово, слушать Слово, подчиняться Слову, не щадить ради Слова своей жизни... Т.е. делать всё то, что должен делать писатель в отношении к слову, и что перечислено вами, дорогой читатель, то должен делать христианин по отношению к Слову Воплощенному, если он хочет быть Его слугой и рабом.

Я написал «служить Воплощенному Слову», хотя мог бы написать: служить Единому Богу. Почему? Потому что Единому Богу служат так или иначе люди всех вер (*), но истина о том, что Бог Отец имеет Бога Сына, Которого Он в конце времён послал в мир для спасения верующих в Него, открыта только – христианам. Этот Сын зовётся также Словом и вечно пребывает с Отцом и Духом. *В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог* (Ин.1:1) (**). Поэтому, хотя бы все народы служили Истинному Богу, но Богу Слову, т.е. Воплотившемуся Слову служат только христиане.

Служить Воплощенному Слову, это и значит ис-по-ведовать Его. Т.е. прежде из-ведать, познать, понять, постичь Слово, вернее какую-то Его крупицу, потому как Слово непостижимо (***) , а потом по-ведать, будь то с другим человеком своими знаниями поделиться, будь то на исповеди Слову свои немощи и свои прегрешения (т.е. признание плохого Ему служения) принести.

Итак, мы видим, что если писатели служат слову с маленькой буквы, то христианин служит Слову с большой. (****) И это значит, что, то, с чего мы начали речь в предыдущей главе, к тому и пришли. Что и требовалось доказать. Доказали даже больше: большую букву в Писательском призвании христианина, т.е. то, что Поэтом и Писателем христианин должен называться с большой буквы. А все прочие писатели, какими бы мировыми именами они не обладали и какой бы славой не гремели, какими бы выдумками не увлекали своих читателей, получая от них взамен деньги и аплодисменты, должны называться «писателями» с маленькой писклявой буквы «пи».

(*) Написал и думаю: переписать это предложение или оставить? Оставляю так: *еже писах, писах* (Ин.19:22), но *чтобы не дать повода ищущим повода* (2Кор.11:12), обращаю особое читательское внимание на выражение «так или иначе». Оно настолько многозначительно, что пояснение всех тонкостей его смысла потребует много сил. Но разумно ли тратить последние силы на теорию? Не лучше ли будет положить их на практическое доказательство того, что Православие в сравнении с другими религиями служит Богу самым правым и правильным образом? Книга доказательств истинности Православия и его победного утверждения в мире не названа «Теория», но названа «Праксис» – Деяния.

(**) *Бог бе Слово*. Так звучит окончание этого стиха по-церковно-славянски, т.е. в обратном русскому порядке слов. Но церковно-славянский порядок, мало сказать, точнее, он – доходчивее. Действительно, что должен думать тот, кто не знает православного догмата о воплощении, слыша выражение *и Слово было Бог*? Что думал, например, я? До своего крещения, читая этот стих, а с началом перестройки он начал широко ходить по страницам журналов и газет, я слышал в слове «Слово» маленькую букву. Т.е. хоть и писалось оно с большой, но для меня оно оставалось «неодушевлённым», а смысл всего стиха был таким: в начале было слово, и этим словом было слово Бог. Будь стих написан иначе: Бог был Словом, как это и сказано в церковно-славянском тексте, я бы скорее понял, о чём речь. Поэтому, что ни говори, а церковно-славянский перевод быстрее доносит главную истину христианской веры. Молчу уже об аористе «бе», плодоносную землю которого русский глагол «было» обращает *в сладость* (Пс.106:34) наподобие этой: «было и прошло».

(***) И христианин наказывается безумием за дерзостные попытки проникновения в глубину Слова и снятие Его покровов. Вновь вспоминается цитата из Блока: «Первое дело

поэта... поднять внешние покровы... безначальной стихии...». Смиранный христианин никогда не напишет в отношении источника своей Поэзии – Христа Бога – такие непочтительные слова, какие Блок написал в отношении источника своей поэзии, т.е. «безначальной стихии».

(****) На эти слова автору сказали: «А писатель-христианин какому слову служит? Разве не служит он Слову и слову? Если же вы хотите доказать, что не всякий писатель-христианин служит Слову, докажете прежде, что он – не христианин». Что тут отвечать? На всём протяжении романа я постоянно подчёркиваю, что не сужу людей, и не выясню того, что известно только Богу. «Я сужу тексты, и, исходя из них, заключаю, что как писатели (а не как личности!) Пушкин, Достоевский, Блок, Есенин не были христианами. Но эти слова не значат, что они не были христианами в жизни. Как понять эту мысль? Как можно разделить личную жизнь человека и его творчество? Точно так, как мы разделяем католиков и католицизм, протестантов и протестантизм, коммунистов и коммунизм... Осуждая нечестивые учения как погубительные заблуждения, нельзя лишать тех, кто эти учения разделяет, права на личное спасение».

Но чтобы читатель не подумал, что батюшка как всякий писатель с буквы «пи» сам тут чего-то выдумывает и сочиняет, паки и паки приведу слова Апостола Павла: *Вот завет, который завещаю им после тех дней, говорит Господь: вложу законы Мои в сердца их, и в мыслях их напишу их* (Евр.10:16). В этих немногих словах Апостол кратко говорит о том, к чему мы так долго шли с читателем, а именно, что христиане должны быть Писателями, потому как пишут они не просто какое-то из слов, но Слово Божие. И где пишут? Не на пергаменте или каком-то другом выделанном руками человека материале, но на самом дорогом во всём белом свете и Самим Богом сотканном полотне – человеческом сердце. На живой ткани своего сердца и на невидимом листе своего ума (*и в мыслях их напишу их*) пишет христианин закон Божий.

«Тут у вас что-то малозаметно сдвинуто или искажено, - сказали автору читатели. - Вот это у вас часто повторяющееся действие от первого лица, но пишет-то Бог, а не человек. А то каждый напишет себе, чего хочет, и будет кричать на всех перекрестках: я – христианин». Что ответил автор? Я пишу, а вы проверяйте. Пушкин с Достоевским пишут, и их тоже нужно проверять. А как же иначе?

Могут ещё возразить, что Апостол сказал: Господь пишет, а не христиане. Возражение не принимается, потому что в той мере, в какой Слово пишется в сердцах христиан перстом Святаго Духа, в той же мере они сами пишут Слово в своих сердцах. Впрочем, и здесь *все должно быть благопристойно и чинно* (1Кор.14:40), а именно: *еже сотворити волю Твою Боже мой восхотех, и закон Твой посреде чрева моего* (Пс.39:9). Т.е. сначала: *еже сотворити волю Твою Боже мой восхотех*, а потом: *закон Твой посреде чрева моего*. И уже потом: *Благовестих правду в церкви велицей, се устнам моим не возбраню* (Пс.39:9).

Конечно, не всякий крестьянин сумеет переписать на бумагу то, что написано у него в сердце, но зачем крестьянину это умение? Зачем писать на бумаге тому, кто пишет на скрижалях сердечных? Зачем уподобляться бумажным писателям тем, в ком Бог пишет Своим перстом (ср.Исх.31:18)? (*)

У пророка Иеремии, из книги которого взяты Апостолом слова для Евр.10:16, сей завет назван «новым заветом». *Вот наступают дни, говорит Господь, когда Я заключу с домом*

Израиля и с домом Иуды новый завет, не такой завет, какой Я заключил с отцами их в тот день, когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли Египетской; тот завет Мой они нарушили, хотя Я оставался в союзе с ними, говорит Господь. Но вот завет, который Я заключу с домом Израилевым после тех дней, говорит Господь: вложу закон Мой во внутренность их и на сердцах их напишу его, и буду им Богом, а они будут Моим народом. И уже не будут учить друг друга, брат брата, и говорить: «познайте Господа», ибо все сами будут знать Меня, от малого до большого, говорит Господь, потому что Я прощу беззакония их и грехов их уже не вспомню более (Иер.31:31-34).

Это и есть Новый Завет Бога со Своими новыми учениками. Но выполняется ли он ими? Пишется ли Новый Закон в наших сердцах? Если не пишется, значит, никакие мы не Писатели с большой буквы. Тогда мы не по адресу обращаемся. Тогда лучше читать русскую литературу и её больших писателей с маленькой буквы.

И эта беда лютее всех бед: ощущение того, что Бог пишет в тебе Своё Слово – уходит. Суть жизни, называемая в христианстве благодатью, потому как даётся она не за работу и даже не за честный, самоотверженный ради Христа труд, но за верную и бескорыстную Ему службу, уходит из русского народа (**). Пишем не Божье Слово, пишем свои жалкие человеческие слова. Эта беда началась давно, с классических лет, и чем закончилась?

Ещё не закончилась. Провал это ещё не конец, падение это не гибель. Восстань, покайся, возвратись к единому Богу Словоу и к служению Ему. Вот истинное Писательство, которое привлекает Благодать. (***)

(*) «Действительно, зачем?» - спросили автора. «Вот и я говорю, зачем крестьянам бумажные сочинители, когда Бог собственноручно пишет Слово в крестьянских сердцах», - ответил он.

(**) Автору на эти слова возразили: «Благодать даётся за отречение и ненавидение своей души даже до смерти, в то время как «верная и бескорыстная служба» большей частью загажена самодовольством и тщеславием. Благодать даётся за кеносис, за глубинное сокрушение и мытарство смирение, за жертвенность и терпение поношений ради Христа, рожденное подлинным познанием своей греховности, умножаемой и в состоянии святости...» Золотые слова, читатель. Но прежде кеносиса и иных названных вами слов нужно научиться хотя бы через раз приходить в церковь не за здоровьем, благополучием и благоощущением, но бескорыстно и более того – через «не хочу». Нужно научиться жить на первых ступеньках служебной лестницы, прежде чем взбираться на вышеназванные высоты.

(***) «Не вижу в этих новоязах о Писателях и Писательстве разумной пользы для других христиан», - сказали автору. На что он ответил: «Кому надо понять, тот поймёт. А кто не поймёт, тому и вреда никакого от этого чтения не будет, потому что это образ, а не прямой текст.

Опять крестьянам коммунизм покоя не даёт

Итак, теснейшая связь обнаруживается между поэтом и христианином. Источник веры и поэзии, оказывается, один и тот же – любовь к слову. Только у поэта эта любовь не достигает крестьянской силы, и не открывает он для себя Слово, как открывает Его для себя христианин. Вернее, конечно, сказать, наоборот, что не сам христианин открывает для себя Слово, но Слово открывается ему. Впрочем, и про больших поэтов говорят, что слова

даются им свыше, независимо от них. И здесь нам удобнее всего перейти к одной важной вещи, которую мы упустили из виду. Она небольшая, но очень и очень важная, наподобие золотника (*). В поэзии она зовётся вдохновение, в христианстве – благодать.

Известно, что всякий поэт ждёт вдохновения, но ведь и с христианами то же происходит. Христианину, чтобы Слово начало записываться в нём, и сам он начал записывать Слово в своём сердце, нужно дождаться Благодати, потому что *никтоже знает Сына, токмо Отец: ни Отца кто знает, токмо Сын, и ему же аще волит Сын открыти* (Мф.11:27).

Бог Отец – Источник христианской Поэзии, которая вся – переиначим высказывание советского поэта – езда в неведомую вечную жизнь. Хотя зачем нам советские поэты, когда у нас есть пророки? *И будет после того, излию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; старцам вашим будут сниться сны, и юноши ваши будут видеть видения* (Иоил.2:28). Нет, не того рода сны, которые можно пересказать, и не того рода видения, которые можно передать стихами, но те видения, *которые не леть (**)* есть человеку глаголати (2Кор.12:4).

(*) Слово «золотник» я узнал в детские велосипедные годы, и узнал много прежде, чем услышал эту поговорку: «мал золотник, да дорог». И уже потом, когда её услышал, так себе всё и представил: золотник, ниппель, колесо, которое без золотника далеко не уедет. Слово «золотник» родилось в русском языке, когда велосипедов в помине не было, но для меня оно на всю жизнь связалось с колесом. Это я к тому, что христианство не поминалось в советские годы, но оно работало без упоминания, и для меня потом, когда я стал узнавать христианство, оно навсегда связалось с советской жизнью.

(**) *Не леть*, значит, нельзя. Есть такой корень в церковно-славянском языке: леть, лъзя, т.е. позволительно, можно, прилично, достойно.

Действие Святого Духа сравним ли с действием поэтического вдохновения? Благодать Божию поставим ли рядом с вдохновением? Преображающую человека силу сравним ли с напоминающим игру в бирюльки составлением слов в рифму и ритм? Не будут ли они, поставленные рядом, смотреться как кочка и гора, т.е. как возводящая за облака высь и как приподнимающая на полголовы выше поэтическая кочка? Так оно и будет, но мы дерзаем их сопоставлять для понятности.

Итак, открывается источник благодати только тому, кому Бог Сын изволит открыть. *Кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой* (Ин.7:38). От чего же зависит это откровение? Может, от каких-то особых добродетелей и заслуг? Может, от усиленных молитв и телесных ограничений? Да, конечно, они не помешают, но не от них зависит Благодать, а от сказанного в Мф.11:27, т.е. от воли Сына Божьего и Его дара, который потому и зовётся «даром», что даётся даром. (*) Поэтому не сочтите, читатель, моих дальнейших речей опасным свободомыслием.

Вера не подразумевает нравственности и даже отлична от неё, как отличен дар от награды. Как дар вера не требует взамен ни платы, ни отдачи, ни возвращения, ничего. Можно даже сказать, что она ни к чему не обязывает. И только страх столь же неожиданно потерять её, сколь неожиданным было её обретение, обязывает соблюдать, так сказать, условия хранения веры.

Этим условиям нас учит церковь, и тем полагает начало нравственности, которая говорит: «будешь делать то-то, получишь то-то». Она вводит закон, она логична, и потому понятна всем. А вера непонятна: за что? откуда? почему? *Ибо благодатью вы спасены через веру, и сие не от вас, Божий дар* (Еф.2:8). Как это понять? Рассудочным путём понять это невозможно, и поэтому вера, как и поэзия, всегда были и будут гонимы законами логики, нравственности и вообще культурой. Искать же логику в вере, всё равно что «поверять алгеброй гармонию». Всё бы ничего, почему бы не попытаться рассчитать Божий дар, будь то вера или поэзия, но есть в этих заведомо обречённых на неудачу затеях риск сердечного ожесточения, которое и сыпет яд.

Выходит, вера безнравственна? Я этого не говорю. Вера выше закона, выше всякого условия и всякой сделки. Она превосходит нравственность и носит её на своих руках, как мать дитя.

Нравственность это – коммунизм. Вот это понятно всем. Будешь трудиться, не покладая рук, не пощадишь своей жизни – получишь земной рай. Но это не вера. Слышите меня, коммунисты? Ваш коммунизм это не вера, это стремление получить проценты с вклада. Коммунизм если и можно назвать вдохновением, то рассчитанным на окупаемость. Коммунизм это гарантированная награда если не нам, то нашим детям и внукам. Это конечно, похвальное желание, но оно похоже на желание вкладчика, принесшего деньги в банк, чтобы после получить проценты. Но это не вера, не поэзия, и не вдохновение, которые одни только могут приподнять человека над землей. Коммунизм это – безблагодатное законничество, а если ещё откровеннее, коммунизм это – жидовский расчёт. (**)

(*) После прочтения этих слов живые, а не вымышленные читатели указали автору на первейшее условие дарования Божией благодати: *Господь гордым противится, смиренным же дает благодать* (Притч.3:34). Автор благодарен читателям за очень верное замечание, но вынужден напомнить, что он пишет не богословию (это слово употреблялось в прежние века в женском роде), но роман. Это значит, что если богословская мысль требует здесь слов о смирении, то романная мысль просит иных слов. О необходимости смирения для стяжания благодати будет сказано в других главах романа.

(**) Прошу читателя заметить, что это определение дано коммунизму, а не коммунистам.

Христианство в этом отношении гораздо трагичней и, следовательно, возвышенней. Никакой награды на земле оно не обещает. И даже за гробом её не сулит. Православие говорит о неизбежных трудах, болезнях и скорбях, но награда даётся не за них, награда даётся – от Бога. *Итак помилование зависит не от желающего и не от подвизающегося, но от Бога милующего* (Рим.9:16). И здесь, при жизни, и там, по смерти, вся надежда на Бога, и постоянное напряжение – между страхом и надеждой. Никаких процентов, никаких заслуженных дивидендов, никакой прибыли христианство не обещает.

«Позвольте, - скажет читатель, - а как же Евангелие? *Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех* (Мф.5:12). А как же молитва Святителя Василия Великого, читаемая на часах? «Иже вся зовый ко спасению обещания ради будущих благ...»? Разве словами «обещания ради будущих благ» не говорится о награде? И разве не надежда будущих благ вдохновляет христиан в прохождении их нелёгкого земного поприща?»

Молитва Святителя Василия названа здесь очень кстати, но давайте вчитаемся в её слова. Святитель не сказал «ради благ», но сказал: «обещания ради благ». Улавливаете разницу? Обещание дано, но благ может и не быть. Да, конечно, Спасителем обещаны блага верным христианам, но не для того Он их обещал, чтобы мы в надежде на них Его любили и в Него веровали. Да и на какие блага может рассчитывать несчастный смиренный грешник? (*) Конечно, блага есть, и они уготованы любящим Бога (ср.1Кор.2:9), но рассчитывать на них и тем более требовать их – это уже наглое католическое учение о сверхдолжных заслугах. (**)

(*) «На какие блага может рассчитывать несчастный смиренный грешник? Тем более что сказано: держи свое сердце во аде – и не отчаивайся. Чем выше святость, тем сильнее сознание своей греховности. Как это происходит – спрашивали одного святого, а он в ответ: как это получается, не могу объяснить, но что я грешник – я знаю точно, как свои пять пальцев», - поддержали автора читатели.

(**) Католическое учение о сверхдолжных заслугах Святых состоит, во-1-х, в том, что святые угодники якобы совершили добрых дел гораздо более, чем это нужно для спасения, и, во-2-х, будто римский папа имеет власть вменять этот излишек добрых дел тем людям, у которых относительно добрых дел ощущается недостаток. (Православный противокатолический катихизис. Харьков, 1916 г.)

Прямо и просто говорит о наградах Апостол: *Не знаете ли, что бегущие на ристалище бегут все, но один получает награду? Так бегите, чтобы получить* (1Кор.9:24). Небесная награда есть, и она ждёт победителей. Но где гарантия, где страховка, где выслуга лет? Этого ничего нет. Бегут все, но награду получит один. А если не бежать? Тогда точно ничего не получишь. А если бежать, но слабо? Тоже ничего не получишь. Значит, бежать надо изо всех сил? Но, даже так бежав, нет уверенности, что будешь первым и будешь награждён.

Страх объемлет душу при мысли о том, что небесная мзда может оказаться совсем не такой, какой её себе представляешь. И как католики не боятся разглагольствовать на эту тему? Их гордые умы вывели целую теорию о «сверхдолжных заслугах», и папа, смешно сказать, эти «заслуги» распределяет по своему усмотрению. Спасибо, конечно, папе за заботу, но лучше надеяться на Бога, чем на него. Богу же лучше своих «заслуг» не показывать. Перед Богом лучше сразу признать себя недостойным, треокайным, гроша нестоящим, совершенно неключимым и никуда негодным рабом... И не бежать? Хитёр ты, брат. Но бежать-то надо, и бежать не кое-как. Слышал, что Апостол сказал? *Так бегите, чтобы получить*. Только бежать надо не с мыслью о заслуженной награде, а с надеждой на незаслуженный дар. (*)

Если вера даётся даром, то, выходит, что её нельзя никакими посулами возбудить? Выходит, нельзя. Иначе она не будет даром. Поэтому прежде даётся вера, а потом обещаются блага, которых может и не быть. Если же наоборот: обещанными благами возжигать веру, то выйдет коммунизм или католицизм. Непонятно? Вот и я говорю, что умом православную веру не понять. Однако, сказав всё это, нельзя не сказать и дальнейших, ещё более опасных слов.

Вера и церковь не одно и то же. (**) Можно много лет ходить в церковь, блюсти все её уставы, молиться, поститься, или же, наоборот, не очень стараться это делать, но до веры, которая даром, так и не дойти, вернее сказать, не быть до неё допущенным. «Вот, это нам как раз понятно, - слышу я голос читателя, видимо, имеющего веские причины, чтобы так быстро согласится со мной. - Только непонятно: зачем тогда ходить в церковь?»

Непонятно, зачем ходить в церковь без веры? А зачем пишут стихи без вдохновения? Может, в надежде *крупниц падающих от трапезы господей своих* (Мф.15:27), т.е. гениальных поэтов? А, может, из-за ощущения близости вдохновения, которое хотя бы и не касалось напрямую души, так хоть издали показывалось? И ряд других причин можно здесь привести, но этот ряд предлагаю читателю построить самому.

(*) «Как же хорошо всё это сказано у свв. Отцов!» - заметили автору. «Так ведь и я своим сочинением хочу сказать о том же: не Пушкина надо читать, а Святых Отцов».

(**) «Слово «церковь» не с заглавной ли буквы нужно написать?» - спросили автора. «Нет, церковь, которая с заглавной есть Сам Христос», - ответил он.

Или же непонятно, зачем ходить в церковь, если стопроцентной гарантии в получении веры она не даёт? Так и на этот вопрос можно поэтическим примером ответить. Не всякое стихотворение – поэзия, но настоящая поэзия непременно в рифму и ритм. Нужно учиться поэтическому ремеслу, но вдохновение посылается свыше. Учиться вере необходимо, но сама вера – Божий дар, но учиться ей нужно, но она не от нас, но стремиться... Замкнутый круг. И никак в него не попасть, если не разомкнёт его в поэзии – вдохновение, а в Богообщении – Благодать.

Зачем учиться поэзии, если всё решает вдохновение? Затем, что даже гениальному поэту без правил стихосложения не обойтись. Зачем ходить в церковь, если *мы признаём, что человек оправдывается верою, независимо от дел закона* (Рим.3:28)? Затем, что где ещё учиться оправдывающей нас вере, если не в церкви? Да, конечно, можно быть неверующим церковником, но нецерковным верующим быть нельзя.

Кому церковь не мать, тому Бог не Отец. Это ставшее пословицей изречение принадлежит Святителю Киприану Карфагенскому. В Символе веры, которому нас научила она же, Святая Церковь, помимо трёх основных «верую» есть четвертое, такой же величины и силы «верую». Верую: 1. Во Единого Бога Отца... 2. Во Единого Господа Иисуса Христа... 3. И в Духа Святого... 4. Во едину Святую Соборную и Апостольскую Церковь. Не сказано: в Церковь верую «чуть меньше», чем в Святую Троицу или чем в Воскресшего Господа. Нет, вера в Господа и вера в Его Церковь совершенно равны. В единственную Церковь верую точно такой же верой, как и в единственного Бога Отца. Значит, неверие в Церковь есть по сути неверие в Бога, и всякое церковное реформаторство есть проявление такого неверия. Начав перестройку Церкви, нельзя не закончить перестройкой Бога. Но Бога переделать нельзя. Его можно только отвергнуть. *Се, оставляется вам дом ваш пуст* (Мф.23:38). И отвергнув истинного, но неугодного Бога, ждать удобного бога в своём пустом доме.

К чему возник этот разговор? К тому, что хотя и пишет христиан в своём сердце Божие изложение, но писать без ошибок, да и вообще умению писать учит его Святая церковь. На богословском языке грамота, которая преподаётся верующим в церкви, называется

Преданием. В поэзии таким преданием может быть названа поэтика, или теория стихосложения, т.е. свод стихотворных законов, которым вдохновение, конечно, не подчиняется, но без знания которых, посещаемый вдохновением человек, будет способен только на восторженное мычание.

И заканчивая сравнительный обзор Поэтов и поэтов, Благодати и вдохновения, Предания и поэтики хочу сказать то главное, к чему эти сравнения неизбежно приводят. Эти слова настолько важны, что выводятся мною в отдельный подзаголовок с названием

Посвящение

Посвящения обычно помещаются в начале книг и бывают обращены к тому, кто является их вдохновителем. Кому автор более всего обязан появлением на свет своего труда, тому он его и посвящает. Такой порядок естественен, как естественно дыхание, но в противоестественном течении нашей жизни он почти забыт.

В подтверждение слов о противоестественности нашей жизни могу привести разговор, слышанный мной не в городских высококультурных трущобах, но в самой толще жизни, в селе. Дочь спрашивает свою мать: «Кого мне кормить прежде: детей или мужа?» Мать отвечает: «А кто еду в дом приносит, того первым и корми». Действительно, как всё в жизни просто, но пустые идеалы и лживые лозунги вроде таких, что «всё лучшее – детям», вконец затуманили наши бедные головы.

Обязан я Богу своей жизнью, значит должен Ему её посвятить. Обязан я написанием этого сочинения Божией Матери, значит должен его Ей принести. Принял меня в своём монастыре Преподобный Зосима, значит должен ему в ноги вместе с этими листками поклониться. Но по нынешним временам такого рода посвящения будут выглядеть литературной игрой и никаких иных чувств, кроме недоуменных улыбок, как мне кажется, не могут вызвать. Поэтому я прячу своё посвящение в глубину этих записок, подальше от посторонних и насмешливых глаз в расчёте, что они не дочитаются до этих страниц. А кто уже дочитал, тот, надеюсь, без улыбки воспримет такого рода посвящение, потому что читатель сей, как говорили в старину, есть читатель трудолюбивейший.

В какую же старину таким слогом говорили? Неужели 300 лет назад это уже старина? Неужели 100 лет до Пушкина, который, если хотите, то загляните, кому свой восьмилетний труд под названием «Евгений Онегин» посвятил, это уже глубокая старина? Да, увы, седая, почтенная и непонятная старина, потому что 300 лет назад книги без духовных признаний были бы невежливы. Во всяком случае, книги церковных авторов.

К примеру, Косьма, «монах-диакон Афиноверский» написал в 1710 году «Книгу всекрасного златословия», или «Риторику», иначе говоря, поэтику, т.е. предмет, о котором мы говорим, и первыми словами своей книги вывел: «В руку Твоею святою (*), о Пречистая Дево, книга сия лежит, не яко Ты сия требуеши, понеже пучина есть всех благ, но яко Твоих Тебе леть приносить, зане Сама сущи источник милости, естественнориторствовала еси сию, и во многия и многия места прекрасным именем овенчала еси. Тем же и помощию Твоею во сто плодотворити».

Однако не будет ли дерзостью, как со стороны иеродиакона, так и с моей стороны, утверждать, что Божия Мать естественнориторствовала (**), наши сочинения? Где Она Своим прекрасным именем их овенчала? Вопрос справедливый, но следующее предложение иеродиакона Косьмы всё поясняет. «Кто бо когда риторствовать возможе, яко же Ты,

всемилющая Госпоже моя?» Вот именно. Кто бы смог написать «Риторику» и эти записки, если бы Ты, Матерь Божия, прежде не естественнориторствовала? Ничего бы не было, ни «Риторики», ни иеродиакона Косьмы, ни этих записок, ни их автора, ни Зосимовой пустыни, ни Православия, ничего, если бы не Твоё всекрасное златословие и Словесное плодоносие.

Так кто подлинный Поэт? Кто настоящий Ритор? Кто истинный Творец, который не записал и не срифмовал Слово, но родил Его? Кто бо из людей когда возможе с такой силой риторствовать, чтобы не просто произнести или написать Слово, но воплотить Его?

Вдумайся в эту истину, читатель. Пророк хочет услышать Слово Божие, а Она Его родила; поэт ищет словесную рифму, а Божия Матерь Рифму спеленала; писатель пишет слова, а Она носила на руках и кормила грудью рождённое Ею Слово. И нет ни капли льстивого преувеличения в том, что не будь Богородицы (***) , не было бы автора этих записок. Ибо кто меня научил этому языку и этим мыслям? (****) Ни школа, ни институт и никто иной не могли меня им научить, потому что, хотя всё написанное здесь написано по-русски, но не всем русским людям, не говорю уже о русскоязычных, будет понятно всё здесь написанное. Значит, другим языком написано? Кто же этому языку научил христиан и продолжает учить? Она и Рождённое Ею Слово.

(*) В руку Твоею святою... Здесь двойственное число. По-русски: в руках Твоих... Это же число мы слышим в тропаре: Все дела руку Твоею, и имя Твое призываем... Что значит: всё творение – дело рук Божиих, и (потому) Имя Твое призываем...

(**) Естественнориторствовала. Какую мысль хочет подчеркнуть этим сложным словом иеродиакон Косьма? Может, ту, что Богородица риторствовала Своим естеством, говорила всем Своим Пречистым телом.

(***) Конечно, Она – Поэт, а не Поэтесса, потому что перед Поэзией Богородицы отступает на самый дальний план и становится уже не видно мужеско-женское разделение человечества.

(****) «А вот тут извините! - сказали автору. - Разные у вас есть мысли и разный язык». На что он ответил: «Предлагаю рассматривать это сочинение как пособие в научении отделения зёрен от плевел».

Поэтому Тебе, Пречистая Дева Мария, аз, пучиногрешный священник Георгий вслед за иеродиаконом Косьмой приношу, припадая, это гугнивогласное сочинение со словами «яко Твоих Тебе леть приносить». Прошу и вас, всечестные отцы, изряднейший во святых Зосимо Верховский и чудный в молитвенниках Василисче Сибирский, быть моими ходатаями перед Богородицей, чтобы неосужденно предстать мне Её пречистому взору. А также риторику с поэтикой призываю в заступление. Они даже больше в этом приношении участвуют, чем иеродиакон Косьма и недостойный священник Георгий. Потому что, хотя и пишем мы по велению сердца, но какие у нас сердца? Необрезанные. Хотя и пишем мы по велению сердца, но без церковного научения наши уста подобны были бы устами безъязычных, и мы могли бы только преданно мычать. Потому что именно Православная церковь, т.е. соборный разум Святых отцов научил нас правильно почитать Божию Матерь, тогда как католическая церковь учит о «непорочном зачатии» Богородицы.

Католики, ох, уж эти католики, желая, видимо, оказать Ей ещё большее почтение, учат о «непорочном зачатии» Богородицы, и тем самым вместо восхищения высказывают недоверие Её поэтическому мастерству. Они учат почитать Её не как ту единственную из рода человеческого Женщину, Которая, родив Бога, осталась Девой, но как некий обособленный от всего человечества телесный сосуд, послуживший для воплощения Сына Божия. Этот католический догмат низводит живую поэзию Матери до уровня авангардистского эксперимента. Ибо что такое поэзия? В жизни это превращение будней в праздник, а в стихотворчестве это построение обычных слов в непостижимой уму гармонии. Причём, не посредством каких-то человеческих ухищрений в жизни, и не с помощью вычурных рифм в стихосложении это превращение совершается, но единственно – вдохновением свыше. Таким нашедшим на Марию вдохновением было не «непорочное зачатие», как по-авангардистски выдумывают католики, но прикосновение Святого Духа, всю Её освятившего и всю Её соделавшего совершенно девственной и совершенно чистой, и сообщившего Ей силу к восприятию и рождению Слова.

Мать Божия – образец поэтического служения Слову, и, стало быть, образ подражания для всех Поэтов и поэтов. Мать Божия – образец всякого служения. И того иерархического служения, о котором мы вели речь в 1-ой главе, когда вчитывались в книгу Бытия, и того церковного служения, о котором мы сейчас образно говорим, называя его словесно-поэтическим.

Меня поражает наше Евангелие. В нём рассказывается, как встречаются две будущих матери и беседуют между собой. *И вниде в дом Захариин и целова Елисавет...* (Лк.1:40). И эта беседа называется Священным Писанием? И это повествование – Благая весть? В Священном Писании всё должно греметь и полыхать, громы раскатываться и молнии сверкать. А у нас что? *Взыгрися младенец радощами во чреве моем...* (Лк.1:44). Но не это ли самая высшая и самая настоящая поэзия, дарованная Богом человечеству? Не это ли та молния, та наиболее яркая из Божественных искр, которые даются вдохновенным творцам свыше? Зачатие и рождение двумя душами другой бессмертной души... И в этом творчестве чистейшим образцом является без истления Бога Слова рождающая Дева Мария.